

Сысоева Ольга Алексеевна

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА "ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ"

Статья посвящена рассмотрению жанровой специфики романа А. Иванова "Географ глобус пропил". Ключевым является вопрос определения его связи с традицией романа воспитания. Показано, что сюжетная структура романа создается благодаря синтезу ряда однотипных ситуаций, неоднократно встречающихся в "школьных" романах воспитания. Доказывается, что жанровый канон советского романа трансформируется путем трагического обыгрывания литературных образцов и штампов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-186. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Зверев А. М.** Что такое «массовая литература»? // Лики массовой литературы США. М.: Наука, 1991. С. 3-36.
2. **Bailey F. Y.** Out of the Woodpile: Black Characters in Crime and Detective Fiction. Westport: Greenwood Press, 1991. XIII+188 p.
3. **Bruce J. E.** The Black Sleuth / ed. with an Introduction by J. C. Gruesser. Boston: Northeastern University Press, 2002. XXX+126 p.
4. **Cawelti J. G.** Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1977. VIII+344 p.
5. **Fisher R.** The Conjure-Man Dies: A Mystery Tale of Dark Harlem. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1992. 316 p.
6. **Freese P.** The Ethnic Detective: Chester Himes, Harry Kemelman, Tony Hillerman. Essen: Verlag Die Blaue Eule, 1992. 254 p.
7. **Gosselin A. J.** Multicultural Detective Fiction: Murder with a Message // Multicultural Detective Fiction: Murder from the «Other» Side / ed. by A. J. Gosselin. London: Routledge, 1998. P. 3-14.
8. **Himes Ch.** Cotton Comes to Harlem. London: Penguin Books, 2011. 240 p.
9. **Hopkins P.** Hagar's Daughter: A Story of Southern Caste Prejudice [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/hopkins/hagar/hagar.html> (дата обращения: 12.10.13).
10. **Klein K. G.** Introduction // Diversity and Detective Fiction / ed. by K. G. Klein. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1999. P. 1-4.
11. **Knight S.** Crime Fiction 1800-2000: Detection, Death, Diversity. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. XV+240 p.
12. **Mosley W.** Devil in a Blue Dress. N. Y.: Washington Square Press, 2002. 263 p.
13. **Pepper A.** The Contemporary American Crime Novel: Race, Ethnicity, Gender, Class. Edinburg: Edinburgh University Press, 2000. 186 p.
14. **Priestman M.** Crime Fiction from Poe to the Present. Plymouth: Northcote House, 1998. 84 p.
15. **Pyrhonen H.** Mayhem and Murder: Narrative and Moral Problems in the Detective Story. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 338 p.
16. **Reddy M. T.** Traces, Codes, and Clues: Reading Race in Crime Fiction. New Jersey: Rutgers University Press, 2003. VIII+213 p.
17. **Reed I.** Mumbo Jumbo. N. Y.: Scribner Paperback Fiction, 1996. 224 p.
18. **Soitos S. F.** The Blues Detective: A Study of African American Detective Fiction. Amherst: University of Massachusetts Press, 1996. XIII+260 p.
19. **Takaki R.** A Different Mirror: A History of Multicultural America. N. Y.: Back Bay Books, 2008. 530 p.

**AFRICAN AMERICAN DETECTIVE FICTION:
VIEWPOINTS OF CONTEMPORARY LITERARY CRITICS AND POLEMICS**

Storcheus Svetlana Vladimirovna
Cherkasy State Technological University, Ukraine
claire999@mail.ru

The article analyzes the new approaches to the classification of detective fiction subgenres on the basis of ethnic, racial and national principles. The author pays special attention to the research of black detective tradition in which the use of detective conventions is submitted to the representation of ethnic identity and struggle of blacks for equality in the American society. Close connection between the African American detective fiction and historical context of the USA is illustrated by the example of protagonists' characters transformation and positive change in the perception of the problem of Otherness in the discourse of popular literature.

Key words and phrases: African American detective fiction; popular literature; logocentrism; cultural pluralism; ethnic identity.

УДК 82-1/-9

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению жанровой специфики романа А. Иванова «Географ глобус пропил». Ключевым является вопрос определения его связи с традицией романа воспитания. Показано, что сюжетная структура романа создается благодаря синтезу ряда однотипных ситуаций, неоднократно встречающихся в «школьных» романах воспитания. Доказывается, что жанровый канон советского романа трансформируется путем травестийного обыгрывания литературных образов и штампов.

Ключевые слова и фразы: жанр; роман; роман воспитания; сюжет; канон; травестия.

Сысоева Ольга Алексеевна, к. филол. н.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
helgats@yandex.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»[©]

По меткому замечанию В. А. Пестерева, в XX-XXI вв. складывается особая «ситуация романа»: «происходящие «метаморфозы» искусства романа связаны с переосмыслением, преодолением жанровых установок, «...» формы в целом» [6, с. 14]. Основным признаком современного романа является установка на художественный синтез, а также ироническое сопоставление жанровых форм и различных стилей.

Обратимся к рассмотрению романа «Географ глобус пропил» одного из самых известных и талантливых современных авторов – Алексея Иванова. Очевидно, что сюжетная структура романа А. Иванова «Географ глобус пропил» создается благодаря синтезу ряда однотипных ситуаций, неоднократно встречающихся в «школьных» романах воспитания.

Главная тема романа воспитания, согласно М. М. Бахтину («Вопросы литературы и эстетики»), – постепенное развитие, поэтому в повествовании обычно нет единого толчка, вызывающего «интенсивное» движение. Сам герой и его характер являются переменными величинами в формуле романа воспитания. В изображении человека общим для всех романов оказывается принцип изменения личности героя, который обозначают как диалектический: в различной авторской манере прослеживаются складывающиеся характеристики героя, вскрываются закономерные причинно-следственные отношения.

Для романа воспитания характерны сюжетные ситуации, проявляющие переход главного героя в иное «качество», поворотные («пороговые») моменты в развитии душевной жизни: ситуация выбора, испытания героя; символические совпадения, а также «судьбоносные» встречи, мотив пути, образ-символ дома.

В центре романа А. Иванова – учитель географии Виктор Служкин, история его жизни в настоящем, в которую путем ретроспекции включаются фрагменты из его прошлого (советская школа, смерть Брежнева). Несомненно, что автор отсылает нас, прежде всего, к хрестоматийным образцам советской «школьной» литературы.

Роман воспитания занимал одно из центральных мест в жанровой системе литературы социалистического реализма, демонстрируя процесс воспитания личности в условиях строительства новой жизни. Своего рода «знаковыми» текстами этого жанра стали романы «Как закалялась сталь» Н. А. Островского и «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. К классическим романам воспитания также относят следующие романы: «Люди из захолустья» А. Мальшкينا, «Танкер «Дербент»» Ю. Крылова, «Конduit и Швамбрия» Л. Кассиля, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, «Республика ШКИД» Л. Пантелеева, Г. Белых, «Правонарушители» Л. Сейфуллиной, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева.

В основе советского романа воспитания – «перевоспитывание» трудных подростков. Показательно то, что процесс массового, коллективного перевоспитания происходит чаще всего в условиях закрытого воспитательного учреждения. Причем в «Педагогической поэме» А. Макаренко эта процедура представлена глазами одной стороны – «перевоспитывающей», а, например, в «Республике ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева – глазами другой, «перевоспитываемой», стороны. Однако результат оказывается почти одинаковым.

Как полагают современные исследователи (Е. М. Болдырева, Ю. С. Лобанов), советский роман содержит в себе два основных мотива советской культурной действительности – мотив управления реальностью и мотив действия границ культурной деятельности.

В пародийном ключе первый мотив (мотив проектирования бытия) представлен в романе А. Иванова. В качестве школьного учителя Виктор Сергеевич абсолютно неспособен соблюдать дисциплину на уроках, контролировать действия своих учеников. Апофеозом его педагогической беспомощности становится смещение его учениками с должности руководителя похода «за пьянку». Наконец, финал произведения демонстрирует и профанацию учебного процесса: учитель Служкин помогает с помощью шпаргалок двоечникам сдать экзамен по географии.

С первым мотивом – мотивом управления реальностью – непосредственно связаны особенности хронотопа романа воспитания. Пространство в советском романе, как правило, функционально. Ср.: «...Голицын жил в двух разных географиях. Одна школьная, усвоенная еще в гимназии по контурным картам, ... вторая география – это география аэродромов..., реактивных самолетов, где тысячекилометровые расстояния сжимаются в часы и человек перелистывает страны, как листы атласа» [1, с. 331].

Такому «системному» пространству противопоставлено совершенно иное, «бескрайнее» природное пространство в романе «Географ глобус пропил». В процессе развертывания художественного пространства одни жизненные сферы (школа, кабинет директора, учительская, пространство модного американского кино) вызывают категорическое неприятие главного героя. Другие (школьный двор, станция, вагон электрички, безликие дворы и городские окраины) полны тревог, мрачных душевных переживаний и ожиданий. Третьи, наоборот, выступают аналогом образа-символа дома: это все природные образы (река, горы, лес). Можно сказать, что они акцентируют некие идеальные формы бытия личности.

Показательно противопоставление природных образов в романах. Как отмечает Ю. С. Лобанов, в советском романе «характеристики природы, неупорядоченного хаоса... резко отрицательны, поэтому природа вписывается в типичную для официального советского искусства концепцию внешнего врага» [3, с. 3].

Противоположные установки определяют позицию автора по отношению к природному миру в романе А. Иванова. «Природность» ряда героев романа воплощает пантеистическую идею об одухотворенной, вечно живой природе, противостоящей фальшивому миру обыденности: «я вспоминаю весь наш поход – от самой Перми-второй до деревни Межень... Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь, – от мелкой зависти в темной палатке до вечного покоя... И я чувствую, что я есть не просто плоть от плоти этой земли. Я – малое, но точное подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами ... своей души» [2, с. 361].

Второй основной мотив советского романа – мотив преодоления границ. Как полагает Ю. С. Лобанов, он встречается настолько часто, что это преодоление «становится ценностью само по себе, безотносительно функциональности, практического результата» [3, с. 4]. Процесс воспитания советского «сверхчеловека» показан, например, в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко: «Для нас мало просто «исправить» человека, мы должны его воспитать по-новому, то есть должны воспитать так, чтобы он сделался не просто безопасным... членом общества, но чтобы он стал активным деятелем новой эпохи» [4, с. 217].

В романе же Алексея Иванова наблюдается пародийное снижение лозунга о «воспитании нового человека» и школы как главного средства подобного воспитания. В средней школе, описанной в романе, пропагандируется авторитарный принцип обучения. Так завуч Роза Борисовна утверждает: «Педагог – это тот человек, который не только знает свой предмет, но и умеет других заставить его знать» [2, с. 21]. Показательно уже первое описание школьного здания, напоминающее тюрьму, колонию или психиатрическую больницу: «Школа высилась посреди зеленого пустыря, охваченного по периметру забором... Справа от входа громоздилась теплица – ржавое скелетообразное сооружение без единого стекла. Широко раскрытые окна... тоскующе глядели в небо, будто школа посылала кому-то молитву об избавлении от крестных мук предстоящего учебного года» [Там же, с. 8]. Метафора «ржавого скелета/остова» становится центральной в романе.

На фоне традиционных советских и постсоветских школьных лозунгов Розы Борисовны («Дети приходят в школу учиться, как вы заметили, а ваша задача – научить их. Как вам их учить – это дело вашего опыта, профессиональной подготовки, и ребенок не виноват, если учитель таковых не имеет» [Там же, с. 8-9]) Виктор Сергеевич Служкин выдвигает собственную педагогическую теорию. Так, в первый день похода он заявляет Маше: «Я знаю, что научить ничему нельзя... можно просто поставить в такие условия, где и без пояснений будет ясно, как чего делать. Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться будет он по настоящему» [Там же, с. 267]. Такое состояние (подчеркнутая инаковость) позволяет главному герою стоять выше социальных условностей, которые ограничивают жизнь обычного человека. Советский принцип обязательного подражания заменяется служкинским принципом «неподражания»: «Отцы все сделали не так, как у их учил. Все сделали неправильно. Но главное – они прошли» [Там же, с. 367].

В «школьном» романе А. Иванова создана целая система героев-двойников: Надя/Саша/Ветка/Кира, Лена/Маша, Служкин/Будкин/Колесников. Присутствует «обязательный» сюжетный мотив влюбленности подростка в учительницу/учителя: мучительные отношения Служкина с Машей. Традиционный для советского романа образ наставника – учителя жизни также осмысливается автором в ироническом плане: «Все указатели судьбы годятся только на то, чтобы сбить с дороги» [Там же, с. 267]. Приемы пародии и иронической стилизации возникают в тексте, как только появляется намек на жизнеподобие («железную» дисциплину, жесткую иерархию, авторитарный стиль руководства). Примечательно также, что, хотя главным действующим героем романа становится не ученик, а учитель, в центре произведения все равно остается характерная для романа воспитания ситуация – пора детства и юности человека (так называемый подростковый период). Виктор Служкин словно застревает в подростковом периоде, остается на одном уровне с его учениками.

«Школа едва ли не самое массовое социальное учреждение. Поэтому вполне закономерно, что все особенности... социума и нашего «жсеркса культуры» (по определению Ж. Бодийара) могут сканироваться через образ Школы и образ Учителя», – пишет М. А. Черняк [7, с. 70-77]. Кроме того, роман Алексея Иванова находится в сложной системе интертекстуальных связей с рядом текстов предшествующей культуры, пародирование которых становится формальным стержнем всего произведения. Причем подражание объекту пародии касается только внешней стороны, имея совершенно иную внутреннюю направленность.

Пародия при этом выступает не столько как способ организации художественного материала, сколько как форма диалога с традицией, «своеобразная форма памяти – не —кршение кумиров», не заполнение пустующих форм новым содержанием, но творческое обыгрывание, вживание в их казавшуюся мертвой плоть новых смыслов» [5, с. 51-52]. В этом отношении Алексей Иванов попадает в центр проблемного поля поисков новой художественной литературы.

Список литературы

1. **Гранин Д.** Иду на грозу // Гранин Д. Собр. соч.: в 5-ти т. Л.: Художественная литература, 1979. Т. 1. 680 с.
2. **Иванов А.** Географ глобус пропил. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 384 с.
3. **Лобанов Ю. С.** Проблема границы в советском «производственном романе» // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 3-15.
4. **Макаренко А. С.** Педагогическая поэма. М.: Художественная литература, 1987. 623 с.
5. **Млечко А. В.** Игра, метатекст, трикстер: пародия в «русских» романах В. В. Набокова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 188 с.
6. **Пестерев В. А.** Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. 312 с.
7. **Черняк М. А.** Испытание школой, или Маршрут героя современной прозы // Вестник Герценовского университета / РГПУ. СПб., 2010. № 8 (82). С. 70-77.

GENRE SPECIFICITY OF ALEXEI IVANOV'S NOVEL "THE GEOGRAPHER DRANK HIS GLOBE AWAY"

Sysoeva Ol'ga Alekseevna, Ph. D. in Philology
Far Eastern State University of Humanities
helgats@yandex.ru

The article is dedicated to considering the genre specificity of A. Ivanov's novel "The Geographer Drank His Globe Away". The key issue is to determine its connection with bildungsroman traditions. It is shown that the novel plot structure is created through the synthesis of a number of similar situations occurring repeatedly in "school" bildungsromans. It is proved that the genre canon of soviet bildungsroman is transformed by travesty literary models and clichés.

Key words and phrases: genre; novel; bildungsroman; plot; canon; travesty.